А.Л.НИКИТИН

ПОДВИГ АЛЕКСАНДРА ПЕРЕСВЕТА

Среди прославленных и в то же время загадочных фигур отечественной истории одно из первых мест занимает Александр Пересвет, чей подвиг 8 сентября 1380 г. на Дону получил многократное отражение в современной литературе и в изобразительном искусстве. Можно утверждать, что уже в XVII в. поединок троицкого инока с богатырем-печенегом перед началом Куликовской битвы воспринимался символом победы Руси над Золотой Ордой, торжеством "честнаго креста" над "неверными". Следуя исторической традиции, один из современных историков, посвятивший свой труд научному анализу этих событий, уже прямо сообщал читателям, что "столкновению главных сил предшествовало единоборство двух богатырей - Пересвета и Темир-мурзы (Челубея). Этот поединок имел целью воодушевить войска обеих сторон. Гибель богатырей в результате единовременного удара копьями произвела сильное впечатление на наблюдавших за традиционным поединком." [1]

И всё же подобный пересказ известной картины В.М.Васнецова, обычно используемой на уроках истории в младших классах, вряд ли может быть признан в качестве исторического документа.

Действительно, у любого непредвзятого исследователя, сколько-нибудь знакомого с русской историей, подобный пассаж вызовет множество вопросов, например: о какой "традиции" поединков перед началом сражений идет речь? как мог принимать участие в битве монах, отринув тем самым данные им при постриге обеты? с кем все же сражался Пересвет - с "Челубеем" или "Те-

мир-мурзой"? кем был он сам - чернецом или брянским боярином, как о том говорят источники? Вопросов таких много и далеко не на все получены удовлетворительные ответы. Вот почему нижеследующий этюд,не претендуя на окончательное решение всех затронутых вопросов, представляется мне не бесполезным для дальнейших изысканий.

В предыстории событий 1380 г. можно отметить несколько фактов, представляющих особый интерес для темы. В 1377 г. в Литве умер великий князь Ольгерд. Ему наследовал сын от второго брака, Ягайло, против которого вскоре возмутились его старшие братья, в том числе Андрей Ольгердович, князь полоцкий. Он был разбит и вместе с семьей бежал во Псков, который его принял, поскольку присягал ему еще в 1341 г. Оттуда он отправился в Москву. Дело в том, что сестра Андрея, Елена, в 1371 г. была выдана замуж за серпуховского и боровского князя Владимира Андреевича, двоюродного брата московского князя Дмитрия Ивановича; таким образом,Андрей Ольгердович приходился им обоим свойственником и был принят с радостью.

Вокняжение в Пскове Андрея Ольгердовича позволило московскому князю зимой 1379/80 г. провести удачную военную операцию против Ягайло. Как пишет летописец, "князь великий Дмитреи Ивановичь събра воя многы, и посла с ними брата своего князя Володимера Андреевичя да князя Андрея Олгердовичя Полотьского, да князя Дмитриа Михайловичя Волыньскаго... Литовскыя городы и волости воевати .. Они же шедшеся взяша город Трубьческыи и Стародубъ..." [2] Успех объяснялся тем, что в Трубчевске княжил Дмитрий Ольгердович - родной брат Андрея и шурин Владимира Андреевича, который "не стал на бой, не поднял рукы противу великаго князя, и не бьяся, но выйде из града съ княгинею своею, и з детми и съ бояры", пришел в Москву, где был "с любовью" при-

нят великим князем и получил во владение Переславль-Залесский "со всеми его пошлинами".[3]

Перед этим произошло еще одно событие. В 1374 г. Москва отказала Орде в выплате традиционной дани, а в 1378 г., вступив без предупреждения в пределы Рязанского княжества, московские войска на реке Воже наголову разбили двигавшихся к Москве ордынцев. Ответный удар Мамая, прошедшего "огнем и мечом" Рязанскую землю, не повлиял на сложившуюся политическую ситуацию. Между Москвой и Ордой назревало новое столкновение.

Наконец, весной 1380 г. в Москве был подписан договор о мире и дружбе с Новгородом Великим. Он развязывал руки московскому князю, который теперь мог не опасаться возможного сговора новгородцев за его спиной с Литвой или Тверью и направить все свое внимание на южные и восточные границы. Договор оказался как нельзя более ко времени: в августе того же года рязанский князь Олег Иванович прислал в Москву сообщение, что Мамай стоит на Дону возле устья р.Воронеж и собирает войска, договорившись о совместных действиях с Ягайло.

Последующие события историческая традиция рисует следующим образом.

Войска союзных князей и московская рать должны были собраться в Коломне к 15 августа 1380 г. Три дня спустя, 18 августа, Дмитрий Иванович с князьями посетил обитель преподобного Сергия, получил благословение на битву и в помощь двух иноков - братьев Пересвета и Ослебю. 20-го августа войска выступили из Коломны, 24-го перешли Оку возле Лопасни, а 5-го сентября вышли к верховьям Дона. Задержавшись на его берегу еще двое суток, 7-го сентября войска форсировали Дон и к вечеру вышли к речке Непрядве, за которой и было решено дать сражение Мамаю. На сле-

дующий день была одержана победа над ордынцами, Мамай бежал, собрал новое войско, но вынужденный обороняться от Тохтамыша, оказался предан своими мурзами и был зарезан посланными в погоню за ним убийцами...

Что же происходило на Дону? Интересующие нас сведения содержатся в источниках, весьма отличающихся как по своему характеру, так и по содержанию. Это так называемая "летописная повесть", "Житие Сергия Радонежского", "Задонщина" и "Сказание о Мамаевом побоище". [4]

Краткая редакция летописной повести, восходящая к Троицкой летописи 1409 г., сохранилась в составе Рогожского летописца (середина ХУ в.) и Симеоновской летописи (нач.ХУI в). При внимательном чтении можно заметить, что она в свою очередь представляет как бы "микросвод" следующих сюжетов: I) записи о битве, обрывающейся на указании ее точной даты ("Се бысть побоище месяца септября в 8 день, на Рожество святыя Богородица, в субботу, до обеда"), 2) краткого перечня погибших князей и бояр, 3) сообщения о торжестве победителей ("стояще на костех") и возвращении их с трофеями в Москву. К этому присоединены 4) статья о рязанском князе Олеге, бежавшем с семьею,"розметав мосты", и 5) о судьбе Мамая и отправке к Тохтамышу послов с дарами и поздравлениями.

Автор краткой редакции ничего не знает о подвиге Пересвета, а его имя стоит последним в списке погибших князей и бояр, создавая впечатление позднейшей дописки, поскольку сам список содержит перечень имен пергаменного синодика середины ХУ в., т.е. официальный документ, в котором имя Пересвета отсутствует. [5]

Сходную картину мы видим и в пространной редакции летопис-

ной повести, дошедшей в списках летописных сводов первой половины ХУI в. Будучи произведением в первую очередь художественным, она, тем не менее, содержит точные календарные даты и указания на часы дня, выдерживающие проверку, а также сообщение об участии в битве сыновей Ольгерда – Андрея "со псковичи" и Дмитрия, князя брянского и трубчевского, "со всеми своими мужи". Любопытно, что и эта редакция не сообщает ни о свидании московского князя с троицким игуменом, ни о поединке, который должен был предшествовать битве: войска благословлял коломенский епископ Герасим, тогда как от Сергия московский князь получил "грамоту" и "благословение" только за два дня до сражения, т.е. 5-го или 6-го сентября.

Имя Александра Пересвета и здесь занимает то же место в перечне павших, однако с немаловажным примечанием, а именно, что он "был прежде боярином брянским".

Вторым по исторической значимости источником, независимым от летописной повести, следует считать "Житие преподобного Сергия Радонежского" в его древнейших редакциях, изданных Н.Тихонравовым. [6] Первая редакция жития, как полагают, была создана Епифанием, сподвижником Сергия, знавшего преподобного на протяжении многих лет. Однако до нас она дошла уже в литературной обработке Пахомия Серба (сер. ХУ в.), который на той же основе написал и свои два варианта жития. Фактический материал всех трех редакций один и тот же, и в интересующем нас вопросе сводится к тому, что к Сергию "однажды" приехал Дмитрий Иванович, сетовавший на угрозы со стороны Мамая "разорить церкви и порушить христианскую веру" (что, надо сказать, никогда в планы ордынцев не входило). Сергий благословил князя выйти навстречу врагам, после чего тот обещал в случае побе-

ды построить монастырь. Действительно, одержав победу, московский князь заложил на р.Дубенке монастырь во имя Успения Богородицы. Однако, ни о каких иноках, посланных с князем, житие не упоминает - факт в высшей степени примечательный, показывающий, что в середине ХУ в. в Троицкой обители никто об их подвиге не знал.

Следует сразу же сказать, что описанная встреча московского князя с Сергием, как показал В.А.Кучкин, произошла не в 1380, а в 1378 г. - перед битвой на Воже, которая закончилась за три дня до Успения Богородицы, т.е. II августа. Именно поэтому храм нового монастыря был заложен в память этого праздника - в 1379 г., за год до Куликовской битвы. [7]

В действительности, Пересвета и его брата Ослебю на поле битвы впервые выводит автор "Задонщины" - произведения достаточно сложного по использованному материалу, анахронизмам, фантастической генеалогии Ольгердовичей и прямым заимствованиям из "Слова о полку Игореве". [8] В древнейшем, как полагают исследователи, Кирилло-Белозерском списке "Задонщины", датируемом последней четвертью ХУ в., братья предстают перед читателем удальми воинами, "поскакивающими" на своих конях и ободряющими друг друга, хотя Ослебя пророчески предупреждает Пересвета о ждущих его "ранах тяжких на сердце" и одновременно предрекает гибель своему сыну Якову, который в некоторых списках "Задонщины" превращен в сына Пересвета. Указание на "чернечество" и даже "старчество" Пересвета более поздних списков ХУП в. (Исторический I, Синодальный, Ундольского) опровергается как описанием его вида ("поскакивает на своем добром коне, а злаченым доспехом посвечивает"), так и обязательным указанием на то, что он еще и "брянский боярин".

Основной же комплекс сведений о событиях 1380 г. историки черпают обычно из четвертого, самого распространенного источника – "Сказания о Мамаевом побоище". Это историко-литературное произведение возникло, как полагают, в конце XV или в начале XVI в. и сейчас известно в полутораста списках, представляющих десять различных редакций текста с вариантами. Главными из них принято считать "основную", затем "киприановскую" редакцию, где одним из действующих лиц показан митрополит Киприан, "распространенную" и печатный вариант "основной" редакции, вошедший в состав Синопсиса, изданного в 1680 г. в Киеве. Автор "Сказания" использовал "пространную" летописную повесть, "Задонщину" и, как полагают, еще какое-то произведение, восходящее к рассказам очевидцев (на него указывает сохранившаяся в тексте фраза: "Се же слышахом от верного самовидца, иже бе от полку Владимира Андреевича..."), которое вышло из кругов, близких к боровскому князю и боярам Всеволожичам, связанным с Троицким монастырем. [9]

Собственно, ссылка на очевидца приведена только в описании "венцов мученических", опущенных "из облаков" руками ангелов над бьющимися русскими полками. Само же "Сказание" переполнено анахронизмами: союзником Мамая во всех редакциях оказывается не Ягайло, а его отец, Ольгерд, князя Дмитрия Ивановича благословляет митрополит Киприан, находившийся тогда в изгнании в Киеве, войска в Коломне вместо епископа Герасима напутствует епископ Геронтий, занимавший коломенскую кафедру с 1453 по 1473 г., т.е. почти сто лет спустя после событий. Ошибочны или фантастичны оказываются и действующие лица, количество имен которых в различных редакциях возрастало от столетия к столетию. [10]

К подобной "исторической фантастике" относится и включенная в "распространенную" и последующие редакции "Сказания" повесть о походе на помощь московскому князю новгородской рати, собранной посадниками по благословению новгородского архиепископа Евфимия. Архиепископов с таким именем в Новгороде известно двое – Евфимий Брадатый, избранный на кафедру в I423 г. и умерший I ноября I429 г., и сменивший его Евфимий Вяжицкий, умерший I0 марта I458 г., что опять указывает на ХУ в. Реальным же поводом для такого анахронизма могла стать Новгородская I летопись младшего извода, где перед повестью о побоище на Дону находится сообщение о новгородском посольстве в Москву при архиепископе Алексее в начале I380 г., использованное ранее автором "Задонщины".

Важно подчеркнуть, что только в "Сказании", памятнике наиболее позднем из перечисленных, мы обнаруживаем рассказ о свидании князя Дмитрия Ивановича с Сергием, "испрошении" им у игумена двух иноков, "которых ранее знал как опытных военачальников и богатырей", которым преподобный повелел "вместо золотых шлемов возлагать на себя схиму с нашитым крестом". В "киприановской" и "распространенной" редакциях иноки названы "братьями", тогда как печатный вариант следом за "пространной" летописной повестью и "Задонщиной" добавляет, что они были "брянскими боярами". Влияние "пространной" повести обнаруживается и в переносе из нее в "Сказание" рассказа о появлении посланца Сергия с письмом ("книгами") и освященной просфорой ("богородичным хлебом"), но уже не за два дня, а перед самым началом битвы. Его приход становится как бы увертюрой к последующему единоборству Пересвета с богатырем, который по одной версии именуется "печенежином", а по другой – "Темир-мурзой" или

"Таврулом". Здесь же у Пересвета, названным в "распространенной" редакции "чернецом любочанином" появляется брат Ослебя и "сын Яков", как видно, заимствованные из "Задонщины".

Собственно, вот и вся информация, которой располагает историк. Однако даже из столь беглого обзора можно заключить, что Александр Пересвет не был иноком Троицкого монастыря и не посылался его игуменом на битву с ордынцами.

Но можно ли на таком основании считать Пересвета фигурой мифической? На первый взгляд, да. К уже сказанному выше - отсутствие имени в ранних синодиках, в том числе и троицком, невозможность "исторического свидания" Сергия с Дмитрием, - следует добавить и знаменитый поединок. Вопреки утверждению Л.Г.Бескровного о его "традиционности" кроме двух легендарных сюжетов такого рода - юноши-кожемяки с печенегом [11] и Мстислава с Редедею [12] - русские летописи на протяжении всех последующих столетий не знают ни одного случая поединка перед битвой, поскольку те противоречат самим основам средневекового военного искусства. Поединки существовали исключительно в сфере судопроизводства ("поле") и в былинном эпосе, откуда (как и из картины В.М.Васнецова) получил такое представление советский историк. Больше того, упоминание в качестве противника Пересвета некоего "печенежина" возвращает к мысли о заимствовании этого сюжета книжником ХУI в. из Начальной русской летописи, поскольку уже в первой половине ХШ в. историческая память о печенегах настолько стерлась, что они отождествлялись летописцами с монголами. [13]

Мифичность Пересвета, похоже, подтверждается и распространенным преданием о погребении его и Ослеби в кирпичном склепе с белокаменными надгробиями без надписей на территории

Симонова монастыря в Москве. Несостоятельность этой легенды убедительно показал в своем историко-археологическом исследовании В.Л.Егоров [14]. Однако, не будем спешить с выводами. Дело в том, что уже ошибка предания - погребение вместе с Пересветом его брата Ослеби, о котором нигде не сказано, что тот погиб 8 сентября 1380 г. на Дону, позволяет предположить, что речь могла идти о Пересвете и сыне Ослеби, Якове Ослебетине, который, судя по всему, разделил участь своего дяди.

Действительно, как обнаружил в свое время С.К.Шамбинаго в местнических актах 1390-1393 гг. Бутурлина с Плещеевым, в это время одним из бояр митрополита Киприана был брат Пересвета, Андрей Ослебя [15]. Несколько лет спустя он принял чернеческий чин, поскольку в статье 1398 г. Московского летописного свода конца ХУ в. содержится указание, что великий князь Василий Дмитриевич послал в Царьград, осаждавшийся перед этим турками, "много серебра в милостыню (патриарху - А.Н.) с чернцомъ Родиономъ Ослебятемъ, иже преже былъ бояринъ Любутьскы". [16]

Эти два документа практически снимают все неясности в вопросе происхождения как Андрея Ослеби, так и его брата Александра Пересвета - указание на "брянское боярство" и на последующее "чернечество", усваиваемое им раньше времени поздними сочинениями. Соответственно, оказывается опиской в "Задонщине" и наименование Пересвета "чернецом любочаниным", тогда как братья были не из Любеча, а из Любутска.

В XIУ в. г.Любутск входил в состав Брянских земель Великого княжества Литовского. Другими словами, Андрей Ослебя и Александр Пересвет оказываются боярами не просто "брянскими", а именно Дмитрия Ольгердовича, принимавшими участие в битве на Дону в составе княжеской дружины, возглавлявшей Передовой полк. [17]

Думаю, что именно поэтому оказываются напрасны поиски имени Пересвета в русских синодиках - его поминали за пределами тогдашнего Московского государства, на его действительной родине. Очень может быть, что и склеп в Старо-Симоновом монастыре служил всего только временной усыпальницей для Пересвета и его племянника, позднее перевезенных на родовое кладбище. Не потому ли и их имена появляются в произведениях "куликовского цикла" столетие спустя после битвы, когда к Москве были присоединены Брянские земли, где, как показал А.А.Зимин, еще в начале ХУП в. существовали владения некоего Захара Пересветова. [18] А ведь прямым потомком Александра считал себя известный "Ивашко Пересветов", тоже "выезжий из Литвы", в "челобитной" Ивану IУ именовавший Пересвета и Ослёбю "своими пращурами". [19]

И все же без ответа остается один из основных вопросов, связанных с именем нашего героя: каким образом боярин Дмитрия Ольгердовича под пером книжников ХУ-ХУI вв. превратился в инока Троицкого монастыря? Мне представляется, что решение этой загадки прямо связано с вопросом о "двойном благословении" московского князя основателем Троицкой обители - сначала личном, затем - через посланца.

Исследователи, которые занимались этими сюжетами, готовы были рассматривать известие о приходе посланца Сергия как позднейшую выдумку, забывая о том, что этот приход отмечен и в "пространной" редакции летописной повести. Теперь, когда стало ясно, что личного свидания не было, версия о заочном благословении приобретает особое значение. Но кто мог быть этим посланцем? Кому мог вручить троицкий игумен свою грамоту и просфору для великого князя, кто мог не только разыскать, но и догнать князя, уже ушедшего на битву?

Повидимому, это мог сделать только Александр Пересвет. И

вот почему это представляется мне пока единственно возможным решением загадки.

Еще в 20-х гг. нашего века в Дмитриевском Ряжском мужском монастыре, находившемся неподалеку от г.Скопина Рязанской губернии и в 40 км. от Куликова поля, в качестве местночтимой реликвии сохранялся костыль из яблоневого дерева, именуемый "посохом Пересвета". Согласно преданию, именно здесь, на месте будущего монастыря нашел московского князя с его войском инок Александр Пересвет, проделавший с этим костылем путь от Троицы до р.Верды. На следующее утро войско двинулось к Дону; вместе с ним ушел и Пересвет, оставив ненужный более "посох" у местного отшельника, в келье которого он провел ночь. Позднее, в ознаменование своей победы и в память о полученном благословении от Сергия, на этом месте московский князь основал монастырь с двумя церквами - великомученика Димитрия и преподобного Сергия Радонежского. [20] В настоящее время Дмитриевский монастырь лежит в руинах, а костыль хранится в "особой кладовой" Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника, внесенный в инвентарную опись за № 3888.

Что здесь фантазия, а что - истина? Костыль - не дорожный посох, Пересвет - не инок, однако основание Дмитриевского монастыря московским князем (в Рязанском княжестве!) безусловно связано с каким-то очень важным фактом кампании 1380 г., к которому причастен Сергий Радонежский. Из всего, что нам известно, таким фактом может быть получение от него московским князем письма и благословения. Но не только. Оказаться в 40 км. на восток от Дона в районе современного г.Скопина Дмитрий Иванович мог лишь в том случае, если он следовал первоначальному сообщению разведчиков, что ордынцы находятся в верховьях Цны, как о том

говорит "Сказание" [21]. Однако потом русская разведка Мамая "потеряла", вызвав справедливые опасения князей, что Мамай сумел избежать столкновения, зашел им в тыл и теперь двигается на беззащитную Москву. Похоже, что одновременно с получением письма от Сергия, московский князь получил и долгожданные известия о местонахождении своего противника, за это время ушедшего навстречу Ягайло. Одновременность получения этих двух радостных известий наверняка вызвала благодарственный молебен и заронила мысль об основании монастыря в случае победы - как то уже становилось традицией...

Если принять версию о нахождении московского князя с войском на месте будущего Дмитриевского монастыря 5 сентября 1380 г. (за два дня до Рождества Богородицы), то последующие два дня оказываются как раз достаточны для перехода к Дону, переправы через него и выхода к Непрядве. Так что время и расстояния на местности совпадают с теми, что указаны в "пространной" летописной повести. Другое дело - мог ли быть посланцем Сергия Пересвет, если, как мы с достоверностью установили, он не был монахом Троицкого монастыря?

Я считаю, что мог. Больше того, мне представляется, что у него больше, чем у кого-либо другого, было шансов принять и выполнить подобное поручение.

Как я уже заметил, по приезде в Москву с семьей и дружиной сюзерену Пересвета, князю Дмитрию Ольгердовичу был дан в "кормление" Переславль-Залесский. Это означало, что он не только получал в свое распоряжение поступавшие ранее в казну городские платежи, но и отвечал за выполнение городом повинностей, в том числе и за своевременное выступление и экипировку городского ополчения. В Переславль Дмитрий Ольгердович мог послать Пересве

та по самым разным причинам – сопровождая подальше от военной опасности свою семью, с письмом к ней, за переславским полком и с любым другим поручением. Наконец, Пересвет мог просто находиться в Переславле и, получив известие о сборах, поспешить с полком на Дон. Важно установить, что именно в это время Александр Пересвет мог ехать из Переславля, как сказали бы теперь, в "действующую армию", а путь этот у него неминуемо проходил мимо стен Троицкого монастыря, где он не мог не ночевать и где – вполне естественно – настоятель мог передать ему "грамотку" к московскому князю и благословение в виде освященной просфоры – "богородичного хлеба".

Я не настаиваю на том, что все так именно и происходило, однако это единственное возможное объяснение того факта, что Пересвет оказался столь тесно связан традицией с преподобным Сергием, а ратный подвиг брянского боярина приобрел поистине эпические размеры. В этом случае становятся понятны колебания авторов и редакторов повествований о Куликовской битве между "иноком", "чернецом" и "бояриной", поскольку – следуя логике – кого, как не своего инока, Сергий мог послать к великому князю? И кто, как не инок, мог совершить действительно эпический подвиг освобождения Русской земли – не от простого ордынца, а вообще от "басурманина"?!

Последнее особенно ясно предстает перед нами, если мы обратимся к именам "печенежина" в различных редакциях и вариантах "Сказания о Мамаевом побоище". "Темир-мурза" "киприановской" редакции должен был перекликаться в сознании образованного читателя с Темир-Аксаком (Тамерланом); имя "Таврул" было заимствовано у татарина, согласно летописной статье 1240 г. пришедшего с Батыем под Киев и там захваченного в плен [22]; на-

конец, в Синопсисе 1680 г. противником Пересвета оказывается "Челубей" – Челяби-эмир, сын Мурада I, захвативший в 1393 г. Тырново, столицу Второго Болгарского царства. Другими словами, все три имени (и "печенежин" Повести Временных лет"!) оказываются именами "врагов рода христианского", против которых на Куликовом поле в лице Пересвета выступает не только московский князь, но и сама русская православная церковь...[23]

ПРИМЕЧАНИЯ

I. Бескровный Л.Г. Куликовская битва. В кн.: Куликовская битва. М., I980, с.238.

2. ПСРЛ, т.ХVIII, СПб., I9I3, с.I29.

3. Там же.

4. Тексты изданы: Повести о Куликовской битве. М., I959; Сказания и повести о Куликовской битве. Л., I982.

5. Салмина М.А. "Летописная повесть" и "Задонщина". В кн.: "Слово о полку Игореве" и памятники Куликовского цикла. М.-Л., I966, с.370-37I.

6. Тексты изданы: Тихонравов Н. Древние жития преподобного Сергия Радонежского. М., I892.

7. Кучкин В.А. Свидание перед походом на Дон или на Вожу? "Наука и религия", I987, № 7, с.50-53.

8. См. статьи Р.П.Дмитриевой, О.В.Творогова и др. в книге: "Слово о полку Игореве" и памятники Куликовского цикла...

9. Скрынников Р.Г. Куликовская битва. Проблемы изучения.В кн.: Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., I983, с.59-6I.

I0. Бегунов Ю.К. Об исторической основе "Сказания о Мамаевом побоище". В кн.: "Слово о полку Игореве" и памятники Куликовского цикла... с. 477-523.

II. ПВЛ, "В лето 6500..." (922 г.).

I2. ПВЛ, "В лето 6530..." (I022 г.).

I3. ПСРЛ, т.I, вып.2, Л., I927, стб.445 (I223 г.).

I4. Егоров В.Л. Пересвет и Ослябя. "Вопросы истории", I985, № 9, с.I82-I83.

I5. Шамбинаго С.К. Повесть о Мамаевом побоище. СПб., I906, с.I77.

16. ПСРЛ, т.XXУ, М.-Л., 1949, с.228. Стоит заметить, что в этой же статье упоминается имя одного из "противников" Пересвета - Челубея, сына султана Мурада I.

17. ПСРЛ, т.IУ, вып.2, с.486.

18. Зимин А.А. И.С.Пересветов и его сочинения. В кн.: Сочинения И.Пересветова. М.-Л., 1956, с.10, прим.

19. Там же, с.171.

20. Добролюбов И. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии ныне существующих и упраздненных с списками их настоятелей за ХУП, ХУШ и XIX ст. и библиографическими указаниями. т.2, Рязань, 1885, с.242.

21. Сказания и повести о Куликовской битве..., с.37 и 401. См. также: Бегунов Ю.К. Указ.соч., с.490.

22. ПСРЛ, т.П, СПб., 1908, стб.784.

23. Подробнее о последнем см.: Никитин А. Одиссея Александра Пересвета. "Наука и религия", 1990, № 4, с.42-45, № 5, с.32-36.